

Ю.В. Туйцын

Прагматический, практический и праксиологический смысл общественного богатства

В статье рассматривается понятие общественного богатства. Автор показывает различие прагматического, практического и праксиологического смысла данной категории в самых важных, с его точки зрения, учениях в истории философии и политической экономии. Наиболее полно праксиологический смысл богатства был раскрыт в экономическом учении марксизма.

Ключевые слова: богатство; стоимость; прагматизм; праксиология; праксиологический смысл.

Вероятно, ничто так не занимает умы бóльшей части человечества, как возможность разбогатеть. Для многих людей во все времена богатство часто ассоциировалось со счастливой жизнью, с удовлетворением разнообразных желаний, интересов и потребностей. Поэтому нередко жизнь отдельных людей пронизана постоянной заинтересованностью в том, чтобы улучшить личное благосостояние с помощью увеличения той доли богатства, которую они способны присвоить. Как известно, политические экономисты богатство называли предметом науки или мыслили его таковым. К этому склонялись такие выдающиеся философы и ученые, как Аристотель, А. Смит, Д. Риккардо, Д.С. Милль, К. Маркс, В.-С. Джевонс и др. [2, 13, 12, 7, 9, 4].

Изначально люди были убеждены, что богатство может сделать жизнь, если не счастливее, то, по крайней мере, легче. В славянских языках само слово «богатый» образовано от слова «бог» и, по представлениям ряда историков языка, оно означало «хранимый богом». Надо полагать, что формирование понятия «богатый» происходило одновременно с выделением богатых людей, которое стало возможным в период имущественного расслоения общинников

в крестьянских хозяйствах первобытного общества. В общественном сознании сложился прагматический смысл богатства — с первобытного периода под богатством понимали те материальные предметы, которые были в распоряжении сообщества и приносили ему пользу. В современном словаре русского языка богатство также определяется с позиции прагматизма — как «обилие материальных ценностей, денег» [11, с. 51].

Недостаточное количество у человека или сообщества предметов, содержащих в себе полезные свойства, а потому обладающих материальной ценностью, должно пониматься как противоположное состояние — бедность. Не случайно слово «бедность» в славянских языках является однокоренным со словом «беда», что указывает на неблагоприятное и угрожающее жизни положение, в котором могут оказаться люди. Вполне логично, что «бедность» всегда была экономически и морально отрицательной характеристикой того состояния, в которое попадал человек (группа людей). Поэтому прагматически положительные характеристики богатства и прагматически отрицательные характеристики бедности автоматически переносились на людей, оказавшихся в соответствующем имущественном положении.

Любое богатство, понимаемое прагматически, прежде чем будет кем-либо присвоено, сначала должно быть создано или добыто. Количество видов материальных благ, добываемых людьми на ранних ступенях своего развития, соответствовало количеству абстрактных потребностей людей. Однако человек постоянно открывал для себя новые конкретные материальные блага, способные удовлетворить его потребности, поэтому на протяжении всей своей истории человечество изобретало новые способы их добычи и производства и формировало новые потребности. Практическое понятие богатства состоит в знании ценности и стоимости способностей и затрат человеческой энергии, которые используются для создания и получения необходимых материальных благ.

Практическое отношение к материальным благам реализуется многочисленными способами человеческих действий, превращающихся со временем в общественно-необходимые виды деятельности людей, в формы и виды производства. В то же время люди прекрасно понимают, что улучшение их благосостояния напрямую связано не только с созданием богатства, но, что не менее важно, с его присвоением. Богатство образуется с помощью физической, интеллектуальной (профессиональной) и общественной деятельности людей. Поэтому человеку, желающему разбогатеть, необходимо было не только понять технологию производства в целях создания блага, не только затратить на производство физическую энергию, но и установить право собственности как на сам продукт производства, так и на важнейшие компоненты деятельности, создававшие богатство.

Из частных стремлений к обогащению складывались мощные общественные движения, целью которых было удовлетворение их совместных интересов. Каждое конкретное общество стремится увеличить размер своего богатства, и ради этого оно использует те возможности, которыми располагает в данный момент своего развития. Иногда оно способно обогащаться за счет применения новых способов

производства благ, в том числе внедрения новых технологий, иногда посредством социальных действий, приносящих возможность быстрого овладения благами. Общество чередует различные направления своего обогащения и часто ради сохранения главной тенденции готово идти на большие человеческие жертвы.

Одним из наиболее простых способов получения богатства представляется его физический захват у тех, кто им уже обладает в данный момент времени. Вся история общества представляет собой непрекращающуюся борьбу людей, распадающуюся на многочисленные конфликты, восстания и войны: сначала между группами индивидов и племенами, затем между народностями, классами и нациями. Некоторые философы, например, Гераклит и Т. Гоббс, вообще считали явление войны естественным состоянием людей. В XIX и XX вв. их позицию поддерживали такие историки, как Д. Мак-Леннан, Э. Тайлор, Г. Мэйн, У. Самнер, рассматривавшие войну как нормальное общественное явление.

Данные ученые понимали богатство и войну примерно так же, как думали те люди, кто участвовал в грабительских войнах. Они были уверены, что в основе столкновений древних коллективов чаще всего лежало богатство, которое древними захватчиками также понималось прагматически. «Известно, что переход к производящему хозяйству привел к появлению регулярных излишков пищи и, тем самым, создал как предпосылки, так и стимулы для возникновения грабительских войн», — пишет известный российский историк В.А. Шнирельман [15, с. 146–147]. Под производящим хозяйством автор имеет в виду земледелие. Он отмечает, что до него еще ряд зарубежных историков придерживались схожей точки зрения на происхождение коллективной войны [16–18]. В стремлении к увеличению материального достатка соперничающих социальных групп они видели главную причину непрекращающихся войн в первобытном и классовом обществе.

Однако философия не стала бы столь плюралистичной и разносторонней дисциплиной, если бы не была способна производить на свет совершенно неожиданные для обыденного сознания интеллектуальные построения для обоснования новых понятий и идей. По мере того как в греческом обществе складывались классовые противоречия, отношение к богатству начинает принимать экстравагантные формы, сложившиеся на основе «отрицательных» принципов. Появились философы, а затем и социальные группы, в мировоззрении которых материальное богатство стало истолковываться негативно, а бедность превращалась в добродетель. Скорее всего, первой известной формой апологии бедности следует считать этику Сократа, призывавшего к скромному и умеренному потреблению: «Ничего сверх меры» [5, с. 113]. Взгляд Сократа на богатство представляет собой разумный потребительский и производительный минимализм.

Еще более радикальная позиция во взглядах на богатство возникла в философии киников, которую принято называть аскетизмом. В Греции появилась группа философов, предложивших более решительный подход к отстранению от богатства: во имя достижения свободы духа они призывали к предельно возможному минимуму в потреблении и отказу от элементарных материальных благ.

Они сосредоточились на критике потребительства и возвышении материальной бедности. Можно сказать, что они довели аскетический образ жизни до идеала и предлагали человеку жить в предельной простоте [5, с. 268]. Киники высмеивали финикийца Мениппа, одного из своих сподвижников, который, занимаясь ростовщичеством, сначала разбогател, а потом, будучи ограбленным, удавился, чем показал свою полную зависимость от вещей. Для киников бедность — это благо, богатство же, наоборот, зло, поскольку лишает людей настоящей свободы.

Однако индивидуальный отказ от богатства, понимаемого прагматически, в условиях греческого рабовладельческого строя приводил людей к потере всех достижений культуры, личной деградации, разрушению личности. Поэтому неудивительно, что радикализм киников в отношении богатства не был поддержан широкими слоями населения, а превратился в практику небольшой группы людей, оказавшихся неспособными поддерживать достойный уровень индивидуального благосостояния и искавших в аскетизме интеллектуальное и моральное оправдание своему бедственному положению. Философия киников превратилась в групповую антиобщественную этику, идеологию бездеятельности, античную субкультуру.

В дальнейшем такую же позицию, внешне похожую на киническое презрение к индивидуальному богатству, развивала христианская теология. Осуждение богатства можно найти в трудах отцов христианства Василия Великого и Иоанна Хризостома. «Щадила ли кого смерть ради богатства? Миновала ли кого болезнь ради денег? Долго ли золоту быть силками душ, удою смерти, приманкою греха?» — писал св. Василий Великий [3, с. 161]. Отцы церкви, ссылаясь на Священное Писание, утверждали, что богатство приносит людям беду, являясь причиной распущенности и семейных раздоров, а в общественной жизни — причиной больших войн. Иоанн Златоуст особенно сильно осуждал такое богатство, которое становилось средством угнетения других людей. Присвоение богатства отдельным человеком он называл откровенным грабительством, а владельца богатства называл «хищником».

Надо заметить, что само богатство изначально понималось христианами теологами также в вещественно-прагматическом смысле, как некоторое множество материальных предметов, дающих человеку телесное насыщение и физическое удовлетворение. По крайней мере, акцент в объяснении того, что понимать под богатством, в их работах делался на материальной стороне вещей. Однако различие между аскетизмом киников и ранних христиан состояло в том, что киники предлагали минимизировать потребности отдельного человека ради личной свободы от вещей, в то время как христиане призывали к освобождению от вещей ради помощи ближним и самосовершенствования души. Иоанн Златоуст поддерживал монашество, которое еще только возникало и набирало силу. Надо понимать, что идеи теологов влияли на то, что многие обеспеченные граждане, принимая христианство, добровольно расставались со своим имуществом, раздавая его бедным людям. Христианская теология сумела возвысить презрение к вещественному богатству до уровня духовного подвига, продемонстрировав на примере отказа от богатства превосходство духовной жизни

над физической. Поэтому отношение к богатству истинно верующих христиан можно считать не столько аскетизмом, сколько антипрагматизмом.

Праксиологический смысл богатства начинает формироваться в трудах тех философов, кто рассматривал производительный труд как главный вид добродетели, при этом богатство трактовал с точки зрения его общественной пользы. Уже Платон, будучи богатым человеком, осознал несправедливость социального устройства греческого полиса, поэтому подверг критике сложившийся тип государства и форму распределения общественного богатства. Он выступал одновременно против бедности, которая толкает человека к злодеяниям, и против индивидуального богатства, потому что оно ведет человека к лени [12, с. 191]. В работе «Государство» Платон, понимая и несправедливость распределения общественного богатства между людьми, и нелогичность организации общественного хозяйства в греческом полисе, стал рассуждать о том, какой должна быть рациональная система общественного производства и как достичь социальной справедливости в распределении совместно созданных материальных благ. Платон мечтал сотворить проект такого общества, которое согласно эйдосу «государственности» было бы лишено недостатков и стало бы вечной общественной гармонией и неизменным порядком.

Отчасти праксиологическое понимание богатства можно также найти в социальной философии Аристотеля. Он считал, что все слои греческого общества должны трудиться. Наиболее предпочтительным и полезным трудом, по его мнению, был земледельческий труд. Однако гражданам в его работах предлагалось заниматься исключительно умственным трудом и общественной деятельностью. Смысл богатства следует толковать в зависимости от конкретного вида деятельности. Философ полагал, что богатство является целью такой деятельности, как «хозяйствование» [1, с. 54].

Но подлинный смысл праксиологического понятия богатства формируется в Новое время в трудовой теории, родоначальником которой признают У. Петти. Этому способствовала развернувшаяся в тот период полемика различных направлений экономистов об увеличении национального богатства и о формировании стоимости — меркантилистов, монетаристов, физиократов, «трудовиков». В XVIII в. французские экономисты Франсуа Кенэ и Анри Тюрго, принадлежавшие к течению физиократов, выдвинули производственную концепцию происхождения богатства. Однако они ошибочно полагали, что общественное богатство создается исключительно в сфере земледелия благодаря происхождению полезных свойств в природных явлениях. Ф. Кенэ в статье «Зерно» писал следующее: «Таким образом, при производстве изделий промышленности не происходит никакого увеличения богатств, поскольку ценность этих изделий увеличивается только в зависимости от цен на средства существования, которые потребляются рабочими, производящими промышленные изделия» [6, с. 166]. Человек своим трудом не создает никакого богатства, он только придает естественным свойствам удобную и нужную форму. Поэтому, с точки зрения физиократов, труд не является источником богатства, он может считаться только дополнительным фактором в его формировании.

По их мнению, питательные свойства плодов растений или мясных продуктов, нужные человеку, создаются в природе без труда. Аналогичное отношение у физиократов было к потребительным свойствам энергоносителей, строительных материалов, сырьевых материалов ремесленной промышленности. Все полезные свойства появились благодаря природным процессам. Они заключены в природных вещах, а человек лишь «вытаскивает» их из природных вещей, поэтому его заслуги сводятся к одной только обработке.

Совершенно противоположную позицию занимали философы и экономисты, относившиеся к трудовой концепции, которые считали, что богатство, находящееся в природе, вообще ничего не стоит, поскольку оно не включено в процесс производства, обмена и потребления. Именно трудовые действия людей превращают недоступную природную полезность в блага, а значит, именно трудом создается богатство. Если обратиться к учению Адама Смита о формировании богатства, то можно отметить, что он выделял три основных фактора — «мастерство, ловкость и сообразительность» работающих людей [14, с. 114]. Он совсем не выделял природной составляющей в содержании богатства и стоимости. Для А. Смита, вероятно, было очевидным, что мастерство, ловкость и сообразительность человека применяются к какому-то веществу природы, т. е. не функционируют сами по себе без предмета труда. Во всяком случае, он не счел нужным останавливаться на этом моменте в своем сочинении. Его больше занимало то, что существует много людей, не участвующих в общественно полезном труде. Поэтому на количественную сторону общественного богатства, считал А. Смит, помимо мастерства, ловкости и сообразительности, влияет отношение числа занятых полезным трудом к числу не занятых им [14, с. 114]. Иначе говоря, Смит видел, что довольно большая часть населения не участвует в полезном производительном труде, поэтому своим потреблением она только сокращает объем общественного богатства.

Итак, в эпоху быстрого развития буржуазного способа производства к прагматическому толкованию богатства вполне успешно добавился практический смысл. Однако еще долго многие мыслители продолжали истолковывать богатство в чисто прагматическом смысле. Нассау Сениор так определял богатство: «Под этим термином мы разумеем все вещи и только вещи, которые удобны для передачи, которые существуют в ограниченном количестве и которые, — прямо или косвенно, — приносят удовольствие или устраняют нужду» [4, с. 7]. В.С. Джевонс выразил мнение, что данное определение можно упростить и предложил считать богатством все то, что 1) удобопередаваемо, 2) существует в ограниченном количестве, 3) полезно [4, с. 7].

Английский экономист отмечает, что речь здесь идет только об экономическом содержании богатства. В отношении полезности В. Джевонс сразу же замечает, что в мире много других приятных, т. е. полезных вещей, например здоровье, любовь, уважение, совесть, счастье и т. д., которые не являются частью богатства, потому что их невозможно продать. Все это он относит к «нравственному богатству» общества. Таким образом, в политэкономии Джевонса существует деление

всех возможных благ на материальное богатство, которое можно включить в торговлю, и нравственные блага, которые к реальному богатству не относятся, а лежат в области морали. Материальные блага, писал Джевонс, создаются в сфере материального производства, а нравственные ценности он отказывался обсуждать. Надо напомнить, что английской политэкономии свойственно было интеллектуальные, духовные, вообще все нематериальные ценности называть моральными. Заметно также, что свойство «удобопередаваемости», введенное экономистом в качестве критерия богатства, не получает в его теории достаточной логической обоснованности. Вероятно, Джевонс хотел подыскать понятие, отражающее участие предмета в процессе обмена между субъектами экономического процесса, эквивалентное понятию товарности, поэтому предложил такое сложное слово. Как видно, в этом месте Джевонс трактует богатство как меркантилист, поскольку полагает, что главным его свойством является способность участия в торговом обмене.

В марксистской концепции понятие богатства приобретает новый, фактически праксиологический смысл. К. Маркс начинает свой великий труд со слова «богатство». В начале «Капитала» он пишет: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как “огромное скопление товаров”» [7, с. 43]. Можно сказать, что с этого момента богатство понимается в прагматическом и практическом смысле, так как товар — это полезный предмет, но в то же время он участник практической деятельности людей. Однако в последующем анализе товара и в объяснении потребительной стоимости и стоимости К. Маркс пользовался понятием «вещественного богатства» [7, с. 51], понимая под этим понятием множество товарных тел, обладающих своей потребительной стоимостью.

В «Экономических рукописях» 1957–1959 гг. К. Маркс писал: «Богатство, если рассматривать его вещественно, заключается только в многообразии потребностей» [8, с. 18]. По данному высказыванию можно заметить, что К. Маркс допускает возможность существования богатства не только в вещественной форме, но еще и в практической, или в стоимостной, форме. Знаменательно, однако, что «вещественное богатство» как множество потребительных стоимостей К. Маркс напрямую связывает с потребностями людей.

В действительности, категория «богатство» отражает изменяющееся содержание вещей как в использовании их в своем конкретном назначении, так и в историческом изменении потребностей общества. Несомненно, что под богатством мы в первую очередь понимаем совокупность таких предметов, которые всегда могут удовлетворить многочисленные потребности людей, т. е. видим в этих предметах их прагматическое значение, но одновременно мы можем охарактеризовать обладателя (производителя или владельца и собственника) данных объектов как более ценного субъекта по отношению к другим субъектам общественной системы хозяйствования. Данные вещи всегда можно использовать в качестве предметов потребления. Но их в то же самое время можно использовать в их инобытии, проявляющемся в товарном обществе в качестве стоимости товара. У предметов возникает потенциальная

возможность продемонстрировать такие скрытые свойства, как стоимость, которая наблюдается только в процессе товарного обмена.

И Маркс замечает, что увеличение вещественного богатства не всегда сопровождается увеличением его стоимости: «Тем не менее возрастающей массе вещественного богатства может соответствовать одновременное понижение величины его стоимости. Это противоположное движение возникает из двойственного характера труда» [7, с. 55]. Таким образом, замечает Маркс, «полезный труд оказывается то более богатым, то более скудным источником продуктов прямо пропорционально повышению или падению его производительной силы» [Там же]. Труд, становясь более производительным, сокращает величину стоимости возрастающей массы потребительных стоимостей, поскольку сокращается количество необходимого рабочего времени на его производство. Иначе говоря, ситуация становится противоречивой и абсурдной, конечно же, если речь идет о товарном обществе, и рост производительности труда может полностью обесценить произведенную продукцию, снизив таким образом совокупный объем общественного богатства. Принимая во внимание частную собственность на средства производства и присвоение прибавочного времени со стороны капиталиста, К. Маркс писал о краже «чужого рабочего времени, на которой зиждется современное богатство» [8, с. 214]. Он имел в виду, конечно же, богатство класса буржуазии, а не общественное богатство в целом, тем не менее богатство капиталистов есть часть общественного богатства. Капитализм, в том числе современный, борется с этим явлением самым простым образом, физически уничтожая «лишние» потребительные стоимости. Владельцы средств производства в капиталистическом обществе заинтересованы не в увеличении роста потребительных стоимостей, а в увеличении денег — той формы общественного богатства, которая дает возможность воссоздавать практическое значение богатства в форме капитала.

К. Маркс пришел к выводу, что подлинный смысл богатства лежит за пределами противоречия между его вещной и денежной формами. Он не использовал понятия «праксиологический» смысл богатства, хотя понимал его именно в этом значении, когда писал: «Действительным богатством является развитая производительная сила всех индивидов» [8, с. 217]. Он понимал богатство не только в прагматическом смысле, как массу необходимых полезных предметов, и не только в практическом смысле, как стоимость средств производства и рабочей силы, как капитал, иницирующий общественное производство ради собственного увеличения, но и как постоянное совершенствование производительной силы индивидов, как улучшение их квалификации и профессионализма.

Необходимо учитывать, что в каждую историческую эпоху содержание богатства меняется. Огромные массы продуктов труда, природных объектов, культурных ценностей, являясь ценными в одну историческую эпоху, теряют свое ценностное содержание в другую историческую эпоху, перестают быть ценными, потому что перестают быть востребованы и выходят из материального или интеллектуального обращения. Особенно заметна потеря ценностного

содержания природных и культурных объектов в эпоху быстрых технологических революций, когда ценность металла или топлива может упасть в несколько раз из-за прекращения их широкого использования в народном хозяйстве ввиду снижения их эффективности. Вместе с переходом на новые технологии производства теряет ценность не только традиционный предмет труда, но и соответствующие ему средства труда, и соответствующие им средства производства. Но, что еще печальнее для связанных с этими средствами труда многих категорий людей, обесцениваются соответствующие производительные силы. Исследователи отмечают, что процесс труда и процесс производства больше не совпадают, что рабочий «выходит из непосредственного процесса производства» [10, с. 21–22]. Становятся не нужны те люди, чей труд перестал цениться, чьи профессии перестают создавать прагматическое и практическое содержание общественного богатства. В условиях частной собственности на средства производства эти люди остаются без работы — происходит сокращение производства, закрытие предприятий, сокращение численности персонала на предприятиях и т. д. Итак, содержание богатства претерпевает трансформацию вместе с изменением человеческих потребностей в каких-то группах материальных, интеллектуальных или культурных предметах потребления.

Ввиду того что анализ понятия богатства следует проводить с учетом перехода современного общества к постиндустриальному состоянию, мы вправе поставить вопрос: являются ли общественным богатством явления из других областей человеческой жизни, в том числе продукты интеллектуального труда и квалификация работника? То, что научно-техническая информация, воплощенная в наукоемких продуктах труда, приносит интеллектуальную ренту, а значит, влияет на увеличение стоимости, нам уже очевидно. Это означает, что интеллектуальный труд участвует в формировании национального и общественного богатства.

Однако одной фиксации роли интеллектуального труда и квалификации работника в формировании национального богатства еще недостаточно, поскольку оказываются неучтенными стоимостные значения интеллектуальных продуктов человеческой деятельности. В рамках прагматического и практического понимания богатства у интеллектуальных продуктов нет экономического содержания. Научные теории, как и многие иные продукты интеллектуального труда, никогда не являлись товаром, не продавались, следовательно, как прагматические и практические ценности не рассматривались в качестве элементов общественного богатства общества. В то же время всем понятно, что без данных достижений разума человечество было бы намного беднее. Праксиологический подход акцентирует внимание на главном элементе общественного богатства — активном субъекте действия, неограниченно и постоянно развивающемся человеке.

Богатством следует считать как те продукты материального и интеллектуального труда, которыми общество постоянно пользуется для воспроизводства материальной и духовной культуры, так и физическую и интеллектуальную силу людей, возрастающую в процессе увеличения знаний и профессиональной квалификации.

Литература

1. *Аристотель*. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 53–294.
2. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–644.
3. *Василий Великий*. Духовные наставления. М.: Ковчег, 1998. 464 с.
4. *Джевонс В.С.* Политическая экономия. СПб.: Товарищество «Народная польза», 1905. 120 с.
5. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 620 с.
6. *Кенэ Ф.* Зерно // Кенэ Ф., Тюрго А.Р.Ж., Дюпон де Нимур П.С. Физиократы. Избр. экономич. произв. М.: Эксмо, 2008. С. 122–182.
7. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. 907 с.
8. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, Ч. II. М.: Политиздат, 1969. С. 5–521.
9. *Милль Д.С.* Основы политической экономии: в 3 т. М.: Прогресс, 1980–1981.
10. *Нигиши Т.* Марксова концепция собственности и новые подходы к организации процесса труда в развитых капиталистических странах: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: МГУ, 1991. 24 с.
11. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1978.
12. *Платон*. Государство // Платон. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 79–420.
13. *Риккардо Д.* Начала политической экономии и налогового обложения. М.: Эксмо, 2016. 1040 с.
14. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Наука, 1993. 569 с.
15. *Шнирельман В.А.* У истоков войны и мира // Першиц А.И., Семенов Ю.И., Шнирельман В.А. Война и мир в ранней истории человечества: в 2 т. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. Т. 1. 176 с.
16. *Montagu A.* The Nature of Human Aggression. N.Y., Oxford University Press, 1976. 381 p.
17. *O'Connell R.* Arms and Men: a History of War, Weapons and Aggression. N.Y.: Oxford University Press, 1990. 376 p.
18. *White L.A.* The Science of Culture, a Study of Man and Civilization. N.Y.: Grove Press, 1949. 480 p.

Literatura

1. *Aristotel'.* Nikomaxova e'tika // Aristotel'. Soch.: v 4 t. M.: My'sl', 1983. T. 4. S. 53–294.
2. *Aristotel'.* Politika // Aristotel'. Soch.: v 4 t. M.: My'sl', 1983. T. 4. S. 375–644.
3. *Vasilij Velikij.* Duxovny'e nastavlenya. M.: Kovcheg, 1998. 464 s.
4. *Dzhevons V.S.* Politicheskaya e'konomiya. SPb.: Tovarishhestvo «Narodnaya pol'za», 1905. 120 s.
5. *Diogen Lae'rtskij.* O zhizni, ucheniyax i izrecheniyax znamenity'x filosofov. M.: My'sl', 1979. 620 s.
6. *Kene' F.* Zerno // Kene' F., Tyurgo A.R.Zh., Dyupon de Nimur P.S. Fiziokraty'. Izbr. e'konomich. proizv. M.: E'ksmo, 2008. S. 122–182.

7. *Marks K.* Kapital. T. 1 // Marks K., E'ngel's F. Soch. M.: Politizdat, 1960. T. 23. 907 s.
8. *Marks K.* E'konomicheskie rukopisi 1857–1859 godov // Marks K., E'ngel's F. Soch. T. 46, Ch. II. M.: Politizdat, 1969. S. 5–521.
9. *Mill' D.S.* Osnovy' politicheskoy e'konomii: v 3 t. M.: Progress, 1980–1981.
10. *Nigish T.* Marksova koncepciya sobstvennosti i novy'e podxody' k organizacii processa truda v razvity'x kapitalisticheskix stranax: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. M.: MGU, 1991. 24 s.
11. *Ozhegov S.I.* Slovar' russkogo yazy'ka. M.: Rus. yaz., 1978.
12. *Platon.* Gosudarstvo // Platon. Soch.: v 4 t. M.: My'sl', 1994. T. 3. S. 79–420.
13. *Rikkardo D.* Nachala politicheskoy e'konomii i nalogovogo oblozheniya. M.: E'ksmo, 2016. 1040 s.
14. *Smit A.* Issledovanie o prirode i prichinax bogatstva narodov. M.: Nauka, 1993. 569 s.
15. *Shnirel'man V.A.* U istokov vojny' i mira // Pershicz A.I., Semenov Yu.I., Shnirel'man V.A. Vojna i mir v rannej istorii chelovechestva: v 2 t. M.: Institut e'nologii i antropologii RAN, 1994. T. 1. 176 s.
16. *Montagu A.* The Nature of Human Aggression. N.Y., Oxford Uni-versity Press, 1976. 381 p.
17. *O'Connell R.* Arms and Men: a History of War, Weapons and Aggression. N.Y.: Oxford University Press, 1990. 376 p.
18. *White L.A.* The Science of Culture, a Study of Man and Civilization. N.Y.: Grove Press, 1949. 480 p.

Y.V. Tuytsyn

Pragmatic, Practical and Praxiological Sense of the Common Wealth

The article considers the notion of social wealth. The author demonstrate a difference of pragmatic, practical and praxiological sense of this category in the most important, to his point of view, teachings in a history of philosophy and political economy. Praxiological sense of social wealth was most comprehensively exposed in Marxist economical theory.

Keywords: wealth, value, pragmatism, praxiology, praxiological sense.